

Новые известия. — 1999 — 16 июня — С. 7

Вторая молодость для фресок Дионисия

Одна из Государственных премий за 1998 год, вручение которой на днях произошло в Кремле, предназначалась коллективу реставраторов из восьми человек. Официальная формулировка — «за многолетнюю работу по изучению, сохранению и реставрации ансамбля монументальных росписей Дионисия собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря в Вологодской области». Это тот случай, когда выбор комиссии по Госпремиям не предполагает никакой полемики. Фрески Дионисия — памятник мирового значения, их спасение является заслуженной несомненной и выдающейся. Наши вопросы адресованы руководителю проекта — доктору искусствоведения, члену-корреспонденту Академии художеств Герольду ВЗДОРНОВУ.

— Герольд Иванович, позвольте поздравить весь ваш коллектив с лауреатством. Хотя деятельность группы и отмечена Госпремией-98, реставрационные работы в Ферапонтовом монастыре, насколько известно, ведутся еще с начала восьмидесятых...

— С 1980 года началось комплексное обследование сохранности фресок, а с 1982-го — практическая реставрация. И предстоит, я думаю, работать еще лет семь-восемь. Мы пока не приступали к порталной фреске, которая находится в очень тяжелом состоянии, и в таком же тяжелом состоянии находятся фрески в алтарных частях.

Должен заметить, речь идет не только о реставраторах, действующих руками. В нашу группу входят биологи, физики, химики, технологи и даже геологи. На территории Ферапонтова монастыря были проложены новые дренажные системы, которые позволили осушить почву, а самое главное — осушить подвалы храма Рождества Богородицы с фресками Дионисия. Если бы это не было сделано, сырость продолжала бы подниматься по стенам, что неизбежно рождает плесень. Мы бы никогда не закончили реставрации, а только боролась то с одним, то с другим видом разрушений.

— И все же, хоть вы и назвали работы не до конца законченными, можно ли говорить об окончании главных этапов? Фрески будут в сохранности?

— Да, это так. Продолжение работ мотивировано в первую очередь необходимостью постоянного контроля. Наши специалисты разработали уникальную автономную систему проветривания собора, так что там теперь зимой не выпадает иней, нет лишней влаги. Кроме того, реставрация в Ферапонтове не знает аналогов и требует большой осторожности. Работы ведутся не более одного месяца в году (как правило, это июль), к ним допускаются реставраторы только высшей квалификации. Если раньше укрепляли фрески по их поверхности, то в Ферапонтове выработан совершенно другой подход. Работаем только с теми участками живописи, которые грозят саморазрушением. Определяют охру, опадают другие красочные слои, и реставраторы подклеивают их с внутренней стороны. Этот процесс требует острого глаза и точной руки, поскольку иногда

приходится иметь дело чуть ли не с микронными участками живописи.

— Именно сотрудниками НИИ реставрации недавно была опровергнута легенда об использовании Дионисием для приготовления красок местных, ферапонтовских минералов. Идиллическая картина: престарелый уже иконописец бродит по берегу Бородавского озера и собирает разноцветную гальку. Красиво, но недостоверно. Выяснилось, что краски для росписей использовались привозные и даже, так сказать, импортные. Не жалко патристичной легенды?

Дионисий.
Богоматерь с младенцем Христом.
1502 год.

— Действительно, с легендой придется расстаться, хотя она еще долго будет на слуху. Это одно из открытий, которые были сделаны именно по ходу реставрационных работ. Наши химики приложили немало усилий, чтобы провести сравнительный анализ глин и галек, которые находятся на берегу озера, и тех пигментов, которые использованы в росписях. Оказалось, что это совершенно разные вещи. Никто, кстати говоря, не знает точно, как осуществлялась поставка красочных пигментов в средние века. Скорее всего, была специальная промышленность и специальные пути завоза и распределения. Тем не менее Дионисий был художником с замечательным чутьем и глазом и наверняка видел, какие удивительные оттенки дают глина и галька с берегов озера. Он использовал виденную гамму. К тому же есть все-таки участки росписи, например, на портале, где использованы именно эти пигменты. Так что легенда не совсем бесосновательна.

— Вы ведь не ограничиваетесь лишь реставрацией...

— К 1924 году, когда монастырь получил статус музея, здесь было сосредоточено множест-

во и других местных древностей. Тогда еще был в сохранности и весь иконостас работы Дионисия, который образовывал единый ансамбль с фресками собора. Но до начала 1980-х место это было довольно глухим, при тамошнем бездорожье добраться туда оказывалось непросто. Тогдашний штат музея состоял из одного человека — он был и хранителем, и уборщиком, и экскурсоводом (теперь здесь большой коллектив, около двадцати пяти человек).

К началу реставрационных работ здесь оставалось всего три подлинных экспоната. За шесть лет мы создали совершенно новый музей. Причем я противник перетряхивания музейных фондов, мы решили ничего не требовать из того, что ушло когда-то из Ферапонтова, а создать все на пустом месте. Наша гордость — сформированный заново фонд старопечатных книг и рукописей. Сейчас собрано 645 книг и около ста рукописей, начиная с инкунабулы XV века и кончая изданиями кириллической печати 1918—1920 годов. Совсем недавно нам удалось получить экземпляр анонимного Евангелия московской печати, которое вышло в 1550-е годы, еще до начала деятельности Ивана Федорова.

— Нынешний статус Ферапонтова монастыря — чуть ли не заштатный филиал районного музея. Не хочется самостоятельности?

— Самостоятельность любимая давно, но изменить ситуацию можно только специальным указом президента. Сделать это реально, правда, при активном содействии вологодской администрации и Минкультуры. Рано или поздно это произойдет, но лучше рано.

— Остается злободневная проблема взаимоотношений музейщиков и церковных властей. В Ферапонтове возобновлены богослужения, но не в соборе Рождества Богородицы, где бы они привели к разрушению фресок.

— До недавнего времени у нас не было никаких конфликтов с общиной. Все церкви находятся под опекой и охраной музея, включая реставрацию, ремонт, электричество, так что общине это было даже удобно. Нынешний приход здесь невелик, постоянно посещающих храм едва ли больше пяти-шести человек, разве что летом их число возрастает за счет приезжих.

Вологодская область, хоть и обильна монастырями, одновременно очень неверующая. Как в XIX веке, так и сегодня. Вологодская епархия получила недавно часть Кирилло-Белозерского монастыря, там есть два монаха, община не растет. Несколько лет назад епархия передан и Горицкий женский монастырь — как было с самого начала две монахини, так две и осталось. В Ферапонтове появилась своя, достаточно воинственная церковная группа, которую возглавляет бывший парторг ленинградского Музея революции. Они требуют передачи под действующий женский монастырь всего ферапонтовского ансамбля. Едва ли это произойдет. Во всяком случае во время визита в Ферапонтово Алексея II он в беседе всячески подчеркивал, что фрески Дионисия — это национальное сокровище, и необходимо сделать все для их сохранности. Я оптимист и верю, что удастся найти решение, устраивающее решительно всех.